

20 Февраля.

№ 6.

1908 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

БЕСѢДА

О ТОМЪ, КАКЪ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ ЖИВЫЕ КЪ
УМЕРШИМЪ.

Недальше какъ вчера мнѣ передавали, что одна женщина проходила мимо кладбища поздно вечеромъ и видѣла чело-вѣка, выходящаго изъ могилы, недавно умершаго, и сильно перепугалась. Подобные толки даютъ мнѣ, братіе, поводъ побесѣдовать съ вами о томъ, какъ должны относиться живые къ умершимъ.

Праведный Іовъ сказалъ: *мѣтъ изочтенная придоша и путемъ, имже не возвратишя, пойду* (16,22), т. е. я прожилъ назначенное мнѣ время, а теперь умру и уже не возвращусь изъ могилы къ живымъ. И не возвращаются къ намъ мертвые, всѣ мы это видимъ. Да какъ и возвратиться умершему, когда и тѣло его истлѣло, и кости рассыпались!.. Однакожъ между простымъ народомъ ходятъ рассказы о томъ, что нѣкоторые мертвецы будто бы выходятъ изъ могилы и бродятъ ночью по землѣ, пока не услышатъ пѣнія пѣтуха; есть такіе, что простодушно вѣрятъ этому и, если случается ночью идти мимо кладбища, проходятъ со страхомъ и робко оглядываются, какъ бы не догналъ мертвецъ и не сдѣлалъ какой-нибудь бѣды. Всякій разсудительный чело-вѣкъ безъ труда пойметъ, что всѣ рассказы о ходящихъ по ночамъ мертвецахъ—пустыя

басни: и живой не может выйти изъ могилы, если положить его туда и засыпать землею, какъ же мертвому-то оттуда выбраться на бѣлый свѣтъ, если душа его оставила его тѣло и не можетъ возвратиться въ это тѣло до страшнаго суда?

Мертвыхъ не бояться надо, а жалѣть о нихъ и молиться за нихъ должно. И всякій добрый и благочестивый христiанинъ, если бываетъ на кладбищѣ или проходитъ мимо него, обязанъ снять шапку, перекреститься и сказать: *со святыми упокой, Христе, души рабовъ Твоихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная*. Если бы всѣ такъ поступали, то много принесли бы мы пользы умершимъ отцамъ и братьямъ нашимъ: Господь за молитвы живыхъ, по милосердію Своему, прощаетъ грѣхи умершихъ и изъ адскихъ мукъ переселяетъ въ райскія обители. Молиться на кладбищѣ за умершихъ тѣмъ болѣе необходимо, что многіе изъ нихъ не имѣютъ ни родныхъ, ни близкихъ, которые бы творили о нихъ поминовеніе, и для такихъ умершихъ молитвы проходящихъ крайне необходимы.

Проходя мимо кладбища и глядя на могилы, мы, живые, можемъ многому полезному научиться у мертвыхъ... Всѣ умершіе были когда то живы, какъ мы; а мы когда-то умремъ, какъ умерли они. Это говоритъ намъ о томъ, что мы непрестанно должны готовиться къ смерти. Умершіе, когда умерли, ничего съ собою не взяли, но пошли на тотъ свѣтъ нагими, какъ родились; и мы, когда умремъ, ничего съ собою не возьмемъ и все земное на землѣ оставимъ. Слѣдовательно, не должно привязываться сердцемъ ни къ чему земному, но стремиться къ одному только небесному.

При жизни богатый приказываетъ, а бѣдный работаетъ, богатый живетъ въ роскоши, а бѣдный нужду терпитъ; смерть же всѣхъ дѣлаетъ равными, и никто въ гробу ни предъ кѣмъ не имѣетъ никакого преимущества. Это научаетъ насъ не гордиться богатствомъ передъ бѣдными и нищими, не гордиться умомъ предъ неразумными, не гордиться силою предъ слабыми и всѣхъ людей считать своими братьями, равными себѣ.

Души умершихъ тотчасъ послѣ смерти явились на судъ Божій, и кто жилъ по-христiански, тотъ услышалъ похвалу

отъ Бога и вошелъ въ царствіе небесное, а кто творилъ беззаконія, тотъ осужденъ Богомъ на адскія мученія; такъ и насъ, когда мы умремъ, Богъ позоветъ на судъ Свой *и тогда воздастъ комуждо по дѣланіемъ его* (Матѳ. 16,27). Это убѣждаетъ насъ постоянно помнить о смерти, ежечасно готовиться къ суду Божию и просить у Господа *христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны, и добраго отвѣта на страшнѣмъ судищи Христовѣ.*

Умершіе, когда живы были, дѣлали, что хотѣли—кто добро, а кто зло; когда же умерли, не стали дѣлать ни худа ни добра, потому что уже не имѣютъ возможности что-либо дѣлать. Но тѣ изъ умершихъ, которые не любили даже и думать о покаяніи, пока живы были, теперь, чтобъ не терпѣть мученій за прежніе грѣхи, рады были бы покаяться, да не въ силахъ; кто изъ умершихъ при жизни кралъ и грабилъ, тотъ радъ бы теперь вчетверо каждому обиженному украденное возвратить, да не можетъ. Такъ и мы, когда умремъ, не въ силахъ будемъ ничего сдѣлать ни худого, ни добраго и хоть бы рады тогда покаяться, да нельзя будетъ. Вслѣдствіе этого, должно стараться отвыкать отъ грѣховъ, кто вороваль и грабилъ—перестань красть и украденное возврати, пока можно; спѣшите каяться, пока живы, да и время къ тому начинается самое благопріятное... Съ сегодняшняго дня, съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ что-то особенно назидательное и спасительное началось въ православной церкви для насъ, чадъ ея, словами: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* Спѣшить каяться надо, очень надо, такъ какъ мы только то знаемъ, что умремъ, а когда умремъ—никому неизвѣстно.

Блаженни мертви, умирающіи о Господѣ! (Апок. 14,13). И такъ, братіе, не должно бояться ни кладбища, ни мертвыхъ, похороненныхъ тамъ; должно молиться за нихъ и, глядя на могилы, помышлять о своей смерти и о судѣ Божіемъ. Аминь.

Священникъ *Валентинъ Гончаровъ.*

Надгробная рѣчь ¹⁾.

Когда Господь Иисусъ Христосъ пришелъ въ Вифанію, на могилу Лазаря, друга Своего, то Онъ, какъ повѣствуетъ Евангеліе, „прослезился“. (Іоан. XI,35). Плакала Марія, сестра умершаго, плакали и пришедшіе Іудеи.

Слезы—обычное явленіе при видѣ смерти. Онѣ служатъ выраженіемъ нашихъ чувствъ скорби и сожалѣнія, показываютъ горечь разлуки, тяжесть утраты.

И при видѣ предстоящаго предъ нами малаго гроба сего, вмѣщающаго бранные останки почившаго, слеза невольно готова навернуться на глаза.

Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы?

Предъ нами—еще даже не юноша въ расцвѣтѣ лѣтъ, а отрокъ, едва переступившій порогъ юности. Недавно—бойкій, живой мальчикъ лежитъ недвижимъ и безгласенъ. Въ бездыханномъ, окаменѣломъ ликѣ его еще сквозятъ черты дѣтства.

Онъ недалеко отошелъ отъ того возраста, который такъ любилъ Господь Иисусъ, благословлявшій дѣтей. Грязное дыханіе порочнаго міра еще не успѣло коснуться его молодой души. Ароматомъ дѣтской чистоты и ранней невинной юности еще вѣяло отъ него.

Какъ лепестки бутона развертываются, согрѣваемые весеннимъ солнцемъ, такъ душевныя силы его готовы были раскрыться въ порывахъ и стремленіяхъ души молодой къ свѣту, къ истинѣ, добру и красотѣ.

Но вотъ злой червь подтачиваетъ бутонъ и онъ, не успѣвъ расцвѣсть, увядаетъ.

Зачѣмъ? почему? для чего? тревожно спрашиваетъ наша

¹⁾ Произнесена при погребеніи воспитанника перваго класса Полтавской духовной семинаріи Θεодора Рудичева преподавателемъ В. Н. Терлецкимъ.

Почившій воспитанникъ страдалъ порокомъ сердца, что въ связи съ развившейся энфлюэнцой и свело его въ могилу.

Погребеніе происходило 8 февраля и совершено было, вслѣдствіе болѣзни о. ректора семинаріи и семинарскаго о. духовника, членомъ правленія отъ духовенства священникомъ о. М. Филиппенко и свящ. о. В. Каменецкимъ.

Въ текущемъ учебномъ году неумолимая смерть похищаетъ уже третью жертру изъ среды воспитанниковъ семинаріи.

мысль. Но—голова безмолвно клонится внизъ, а тихо катящаяся изъ глазъ слеза не дастъ намъ отвѣта...

Однако, скорбь наша при видѣ смерти не безутѣшна, и слезы не безпрестанны.

Припомнимъ продолженіе того Евангельскаго повѣствованія, которымъ мы начали.

Господь Иисусъ „скорбя внутренно, пришелъ ко гробу и громкимъ голосомъ воззвалъ: Лазарь! иди вонъ. И вышелъ умершій“... (Іоан. XI, 38—44).

Это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы увѣрить всѣхъ въ истинѣ будущаго воскресенія мертвыхъ.

„Общее воскресеніе прежде Твоя страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже“, поется въ церковной пѣсни.

Эта вѣра, это чаяніе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка и есть тотъ свѣтлый лучъ надежды, который нѣсколько разсѣваетъ густую мглу безутѣшной скорби.

И въ настоящій разъ, скорбя объ угасшей на зарѣ юности жизни, утѣшимся мыслью о томъ, что жизнь эта не совершенно прекратилась.

Вѣримъ, что живъ духъ почившаго, отошедшій къ Богу, который и далъ его.

Надѣмся, что не успѣвшей еще загрязниться душѣ почившаго близокъ входъ въ то Царствіе Небесное, которое, по словамъ Спасителя наслѣдуютъ только дѣти и имъ подобные.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, готовясь воздать послѣднее цѣлованіе, принесемъ дань любви почившему въ теплой сердечной молитвѣ о немъ.

Помолимся, чтобы тѣ добрые задатки, тѣ стремленія души молодой ко всему доброму, высокому, честному, благородному, съ которыми почившій оставилъ здѣшній міръ, развиваясь въ мірѣ *потустороннемъ*, привели бы его въ свѣтлыя обители Отца Небеснаго.

Такъ будемъ о почившемъ молиться, а сами, пока еще живы, къ этому будемъ стремиться!..

Поборникъ православной вѣры и русской народности, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

(Къ 300-лѣтію его кончины 1608—13 февраля—1908).

13 февраля исполняется 300 лѣтъ со дня кончины славнаго защитника и поборника православной вѣры и русской народности отъ посягательствъ польскаго правительства, католическаго духовенства и іезуитовъ, князя Константина (Василія) Константиновича Острожскаго. Какъ яркая звѣзда блисталь онъ на мрачномъ горизонтѣ юго-западнаго православнаго міра, крѣпко онъ держаль знамя православной вѣры и русской народности въ русскихъ областяхъ Литовско-Польскаго королевства и всѣми силами своего мощнаго духа возставаль на защиту вѣры своихъ отцовъ и своей народности, такъ что всякія посягательства на эти святыни русскаго челоувѣка встрѣчали въ немъ сильнаго и рѣшительнаго противника. И народъ русскій почтилъ особенною признательностію князя Острожскаго, увѣковѣчивъ его память на страницахъ исторіи подъ славнымъ титломъ „отца и благодѣтеля Россіи, рачителя благочестія, ока и свѣтила церковнаго“... Съ такою же признательностію и любовію, съ молитвою объ упокоеніи души князя Константина Острожскаго въ царствѣ присноживущаго Свѣта, помянетъ его теперь, въ 300-лѣтнюю годовщину со дня кончины, каждый, кому дорога вѣра православная и народность русская.

Дѣятельность князя Константина Острожскаго на пользу православія въ югозападной Руси обнимаетъ собою послѣдніе годы XVI и первые годы XVII столѣтій. Промыслу угодно было вызвать на служеніе Церкви этого челоувѣка въ то именно время, когда православные жители южнорусскаго края подвергались самымъ тяжкимъ испытаніямъ. Идея религіознаго объединенія православныхъ съ католиками, лелѣемая польскимъ правительствомъ и особенно католическимъ духовенствомъ, весьма ясно стала высказываться еще съ того времени, когда въ Люблинѣ, въ 1569 г., состоялось соединеніе Литвы съ Польшей. Въ XV и началѣ XVI ст. католики,

видя невозможность обратить православныхъ въ римскій католицизмъ, старались обратить ихъ по крайней мѣрѣ въ унию и неоднократно дѣлали попытки къ этому. Унія стала любимую мыслию римскихъ католиковъ, предметомъ ихъ постоянныхъ заботъ и желаній. Но одновременно съ Люблинской унией, т. е., въ томъ же 1569 г., въ Литву явились іезуиты, и, съ свойственною ихъ ордену хитростію, раскинули сѣти своей пропаганды и на всѣ южнорусскія области, населенныя православнымъ народомъ. Между тѣмъ русское духовенство и православное населеніе не могли бороться успѣшно съ іезуитами. Само православное духовенство было необразованно, среди него господствовали корыстолюбіе и распущенность нравовъ, и масса православнаго населенія не находила поддержки среди своихъ духовныхъ пастырей.

Воспитанный съ дѣтства въ православныхъ русскихъ началахъ, князь Константинъ Константиновичъ не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ такихъ событій; состояніе Церкви православной глубоко поражало его сердце. „Видѣхъ,—писалъ онъ,—Церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отвсюду враги противящимися попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему. Тѣмъже поминахъ словеса пророческая, яже нѣкогда и Господь нашъ Иисусъ Христосъ рече: жалость дому твоего снѣсть мя. Кто бо есть отъ благовѣрныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость Церкви Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ, Богомъ насажденный, его же объимають вси мимоходящіи путемъ, разоренія ради оплотовъ его? Кто не умилилъ сердца своего и не плачется, зряще разореніе Церкви Христовы и испровержену хвалу Его: различныя супостаты и многообразныя лукавства обстоятъ ны“. Только искренняя преданность св. вѣрѣ, въ связи съ яснымъ пониманіемъ состоянія Церкви, могла говорить такимъ языкомъ. Съ такими мыслями и расположеніями приступалъ онъ къ трудамъ своимъ для блага Церкви. Дѣятельное попеченіе о благѣ Церкви, живое стремленіе устранить, по возможности, всѣ причины, возмущавшія ея спокойствіе совнѣ, разстроивавшія ее внутри, естественно, сдѣлались для князя вышею, священнѣйшею

обязанностію. „Всякій человекъ,—писалъ онъ,—во все время жизни своей ради спасенія собственнаго и другихъ долженъ пещись о ревностномъ распространеніи славы Божіей. Кто не можетъ быть такимъ до конца жизни, тотъ пусть, по крайней мѣрѣ, приобщится этому дѣлу, приметъ въ немъ участіе. Я съ своей стороны, хотя, по множеству и трудности мірскихъ занятій, не могъ всецѣло свои намѣренія, желанія и дѣйствія направить единственно къ умноженію славы Божіей, но меня, какъ христіанина, съ давняго времени занимало желаніе, постоянно болѣе и болѣе усиливающееся, быть полезнымъ матери нашей святой соборной апостольской Церкви. Я размышлялъ, вникалъ, соображалъ: какіе бы найти самыя дѣйствительныя способы и средства, чтобы Церковь нашу, находящуюся нынѣ въ упадкѣ, обнищаніи и разстройствѣ, снова привести въ прежнее цвѣтущее состояніе“.

Условія, въ которыхъ находился кн. К. К. Острожскій, какъ нельзя болѣе благопріятствовали его дѣятельности. Отъ своихъ предковъ онъ получилъ, кромѣ знатнаго имени, громадныя богатства: въ его владѣніи находилось 25 городовъ, 10 мѣстечекъ, 670 селеній, доходъ съ которыхъ достигалъ колоссальной по тому времени цифры—1.200.000 золотыхъ въ годъ. Его выдающееся положеніе въ обществѣ, вліяніе при дворѣ и высокое сенаторское званіе придавали его личности большую силу и вліяніе.

Острожскій понималъ, что только развитіемъ просвѣщенія среди простаго русскаго населенія и поднятіемъ нравственнаго и образовательнаго урвня православнаго духовенства можно достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ въ борьбѣ съ іезуитами и католическими ксендзами. Ближайшимъ средствомъ для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія среди западно-русскаго населенія было изданіе книгъ и учрежденіе школъ. Этимъ давно уже съ большимъ успѣхомъ пользовались іезуиты; не отказавшись отъ этихъ средствъ и князь Острожскій.

Самою настоятельною потребностію для православнаго западно-русскаго населенія было изданіе Библии,—этой духовной брони, безъ которой, по словамъ К. К., никто изъ православныхъ „не могъ стать противу ярости гонителей Церкви“. За это дѣло прежде всего и принялся князь К. К. На устрой-

ство типографіи въ Острогѣ онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни силъ. Онъ выписалъ шрифтъ и пригласилъ къ себѣ изъ Львова извѣстнаго печатника, ранѣе работавшаго въ Москвѣ, Ивана Ѳедорова и его сотрудниковъ. Для того, чтобы изданіе Библии было болѣе исправно, отовсюду выписывались рукописные списки книгъ Св. Писанія. Главный списокъ былъ полученъ изъ Москвы, изъ библіотеки царя Ивана Васильевича Грознаго. Доставалъ Острожскій списки и изъ другихъ мѣстъ: отъ Константинопольскаго патріарха Іереміи, съ Крита, изъ сербскихъ, болгарскихъ и греческихъ монастырей, завелъ даже сношеніе по этому поводу съ Римомъ, досталъ много Библий различныхъ письменъ и языковъ. Кромѣ того въ его распоряженіи было и первое изданіе Библии на русскомъ языкѣ, напечатанное въ чешской Прагѣ докторомъ Францискомъ Скориною. По просьбѣ Острожскаго, патр. Іеремія и нѣкоторые другіе видные церковные дѣятели прислали ему и людей, „опытныхъ въ писаніяхъ святыхъ, еллинскихъ и словенскихъ“. Пользуясь указаніями и совѣтами всѣхъ этихъ знающихъ людей, Острожскій началъ разбирать весь собранный матеріалъ. Скоро однако издатели были поставлены въ затруднительное положеніе, потому что во всѣхъ собранныхъ спискахъ встрѣчались погрѣшности, неточности, разночтенія, вслѣдствіе чего нельзя было остановиться на какомъ либо спискѣ, взявъ его за основной текстъ. Острожскій рѣшилъ послѣдовать совѣту своего друга, извѣстнаго князя Андрея Курбскаго, жившаго въ то время на Волыни, и печатать Библию „на церковно-славянскомъ языкѣ, не съ перепорченныхъ книгъ жидовскихъ, но отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ переводчиковъ“. Послѣ долгой и трудной работы, въ 1580 г. появились „Псалтырь и Новый Завѣтъ“, а въ слѣдующемъ году (1581) вышла въ свѣтъ и полная Библия.

Изданіе княземъ Константиномъ Константиновичемъ славянской Библии было событіемъ первостепенной важности для всего православнаго славянскаго міра. Антинаціональное для русскихъ дѣло подготовки церковной уніи въ то время было въ полномъ ходу; уже явно обнаруживалось стремленіе польско-іезуитской партіи къ приниженію, обезличенію, подавленію и постепенному ополяченію южноруссовъ. Все это

время представляет одну картину самаго жестокаго гоненія православной вѣры и русской народности во всей западной половинѣ Россіи,—одинъ сплошной рядъ насилій и притѣсненій. И вотъ въ это самое время, когда подготавлилась унія съ сопровождавшими ее религіозными преслѣдованіями всего, что носило признаки православно-русской народности во всемъ западномъ краѣ, появилась печатная славянская Библия. Въ Библия западно-руссѣ имѣли теперь первоисточники своей вѣры, той вѣры, которой держались ихъ отцы. Эта вѣра, отъ предковъ полученная и тщательно хранимая, теперь—въ этомъ изданіи являлась для западно-русса чѣмъ то внѣшне-реальнымъ, нагляднымъ, осязательнымъ, доступнымъ даже внѣшнимъ чувствамъ. Тѣмъ сильнѣе привязывался къ этой вѣрѣ народъ, тѣмъ живѣе и нагляднѣе представлялъ онъ духовную давнюю связь свою съ нею...

Да и не для западно-русской только церкви, а для всѣхъ сыновъ русской церкви Острожское изданіе Библии было величайшимъ благодѣяніемъ. Не смотря даже на то, что при всей тщательности веденія дѣла, въ Острожской Библии многое осталось неисправленнымъ, допущены пропуски и ошибки переписчиковъ, изданіе это, распространившееся въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, удовлетворяло потребностямъ православныхъ церквей и частныхъ обывателей дотолѣ не имѣвшихъ въ печати своей славянской Библии. Мысль объ обще-церковной важности дѣла изданія славянской Библии раздѣляли и тѣ русскіе люди, которые были современниками веденія и окончанія этого дѣла. Въ стихахъ, находящихся предъ текстомъ Острожской Библии и написанныхъ для прославленія князя Острожскаго, изданіе печатной славянской Библии ставится на ряду съ великими для христіанской Церкви дѣлами князей Владиміра Св. и Ярослава I-го. Это изданіе Библии послужило образцомъ и для Московскаго изданія, вышедшаго въ царствованіе Елизаветы Петровны. Такъ что Острожская Библия справедливо считается самымъ важнымъ памятникомъ благочестивой ревности по вѣрѣ кн. Острожскаго.

Кромѣ Библии изъ Острожской типографіи вышло не мало книгъ богослужебныхъ, правоучительныхъ и полемическихъ.

Впрочемъ, богослужебныхъ книгъ было напечатано сравнительно менѣе, потому что предварительно изданія нужно было ихъ исправлять, а для этого не было исполнѣ готовыхъ ни людей, ни средствъ.

Въ концѣ своей жизни князь Острожскій на свой счетъ открылъ еще двѣ типографіи, изъ нихъ одну въ Дермани. Дерманскія изданія отличались тою особенностію, что они печатались въ два текста: на церковно-славянскомъ языкѣ и литовско-русскомъ нарѣчій, что способствовало большому ихъ распространенію среди массы западно-русскаго населенія. Другая типографія была открыта въ Кіевѣ. Распоряженіе объ устройствѣ типографіи въ Кіевѣ, послужившей основаніемъ для знаменитой впослѣдствіи Кіево-Печерской типографіи, было однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій благочестиваго князя на пользу духовнаго просвѣщенія русскаго народа.

Основывая типографіи и печатая въ нихъ книги, князь Острожскій понималъ, что дѣло просвѣщенія народа этимъ далеко не исчерпывается. Онъ сознавалъ необходимость просвѣщенія духовенства, необходимость созданія духовной школы для подготовки священниковъ и духовныхъ учителей. Съ самаго начала своей дѣятельности князь Острожскій началъ устраивать въ подчиненныхъ ему городахъ и монастыряхъ школы: такъ, отдавая въ 1572 г. принадлежавшую ему землю въ Туровѣ Димитрію Митуричу, онъ поставилъ условіемъ „школу тамъ держати“. Но это была школа низшая, только для первоначальнаго обученія. Въ самомъ Острогѣ Константинъ Константиновичъ открылъ въ 1580 г. высшую школу, въ которой обучали не только славянскому языку, но и наукамъ греческимъ и латинскимъ; школа эта называлась иногда академіей. Первымъ ректоромъ этой школы былъ ученый мужъ Герасимъ Смотрицкій; учителемъ школы былъ приглашенъ изъ Греціи извѣстный Кириллъ Лукарисъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи патріархомъ Цареградскимъ. Въ школѣ этой воспитывались многіе русскіе юноши, какъ благороднаго, такъ и простаго званія; наиболѣе способные изъ окончившихъ школу отправлялись на счетъ князя въ Константинополь, въ высшую патріаршую школу. При школѣ находилась богатая бібліотека. При школѣ же была и открытая тогда типографія.

Значеніе этой школы было очень велико. Кромѣ нравственнаго вліянія на западно-русское общество, кромѣ того, что изъ нея вышли главнѣйшіе борцы за православную русскую идею въ юго-западной Руси, она важна тѣмъ, что была единственнымъ въ то время высшимъ православнымъ училищемъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ борьбу съ уніей и іезуитской пропагандой.

Но для того, чтобы удовлетворить потребностямъ образованія не нѣсколькихъ лицъ, а цѣлаго народа, труды одного училища, конечно, не могли быть достаточными. Поэтому князь Острожскій заводилъ училища и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Кіевѣ, гдѣ онъ основалъ училище въ 1588 г. Особеннымъ покровительствомъ князя пользовалась Львовская братская школа, открытая черезъ 5 лѣтъ послѣ школы Острожской и по ея образцу. Такъ до конца своей жизни, не смотря ни на какія препятствія, князь Острожскій не переставалъ заботиться объ образованіи народа.

Мы кратко обозрѣли только одну сторону дѣятельности князя Острожскаго во благо православной Церкви—заботы его о духовномъ просвѣщеніи русскаго народа. Но и изъ того, что было сказано, можно видѣть, какъ обширна и плодотворна была для того времени эта дѣятельность. Мы не будемъ говорить о стараніяхъ Константина Острожскаго въ дѣлѣ устроенія высшей іерархіи западно-русской церкви, о его заботахъ объ устроеніи монашества, въ которомъ онъ видѣлъ одно изъ главныхъ средствъ для борьбы съ католической пропагандой, о его содѣйствіи процвѣтанію братствъ и, наконецъ, о его борьбѣ съ уніей. Скажемъ вообще, что онъ всю свою дѣятельность, все свое вліяніе и силы направлялъ на защиту православія, которое въ значительной мѣрѣ обязано ему тѣмъ, что выдержало многолѣтнюю борьбу съ католичествомъ и католическимъ польскимъ правительствомъ. Неудивительно потому, что въ глазахъ православнаго народа князь Константинъ Константиновичъ былъ столпомъ Церкви и самымъ вѣрнымъ ея защитникомъ.

Скончался князь Константинъ Острожскій въ глубокой старости, на 82-мъ году отъ рожденія, 13 февраля 1608 года и

быль погребенъ въ Острогъ, въ замковой Богоявленской церкви.

Въ скоромъ времени его типографія и училище перешли въ руки католиковъ, а въ 1636 г. его внучка, католичка Анна Алоизія, явившись въ Острогъ, приказала вынуть кости князя изъ гробницы, вымыть ихъ, освятить по католическому обряду и перенести въ свой городъ Ярославль (въ Галиціи), гдѣ положила ихъ въ католической часовнѣ*).

(Таврич. Ц.-О. В).

М. Шведовъ.

Распространеніе въ народѣ полезныхъ книгъ и брошюръ, какъ одна изъ важныхъ задачъ въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія.

*Спите разумное, доброе, вечное,
спите!.. Спасибо сердечное скажетъ
вамъ русскій народъ!..*

Н. А. Некрасовъ.

Только тотъ, кто не знаетъ жизни, можетъ думать, что школьное обученіе и воспитаніе удержитъ человѣка на всю послѣдующую его жизнь отъ соблазновъ и нравственныхъ паденій!.. Но кто съ жизнью знакомъ, — знаетъ, что школа не имѣетъ такого рѣшающаго значенія и что нельзя обуславливать направлениемъ немногихъ учебныхъ годовъ направление всей послѣдующей жизни. Лишь заботливо поддерживая и послѣ школьнаго обученія данное этимъ обученіемъ зерно правды и добра, можно охранить дѣтей и юношей отъ пагубныхъ вліяній жизни и образовать для церкви истинновѣрующихъ сыновей, для общества — полезныхъ членовъ, а для семьи — любящихъ и заботливыхъ отцовъ и матерей. Но гдѣ нѣтъ такого вліянія и гдѣ условія жизни окажутся неблагоприятными для дальнѣйшаго нравственнаго развитія, — тамъ вышедшій изъ школы скоро станетъ подобенъ никогда

*) Сост. по: ст. „Русск. библиограф. словарь.“; М. Макарій, Исторія р. церкви, т. IX и X; Правосл. Соб., 1838 г., I; Странникъ, 1882 г., ноябрь.

неучившемуся. Бываетъ и хуже того: вооруженный знаніемъ грамоты, подчинившись пагубному вліянію испорченной среды, дурнымъ и соблазнительнымъ примѣрамъ окружающихъ или подавшись наслѣдственнымъ порокамъ, оказывается часто въ нравственномъ отношеніи ниже безграмотнаго, и несомнѣнно то, что онъ опаснѣе для общества, чѣмъ послѣдній, такъ какъ грамотному плуту, на примѣръ, удобнѣе совершить свои плутни, чѣмъ неграмотному;—грамотному эксплуататору легче обдѣлывать свои дѣлишки, чѣмъ неграмотному. Слѣдовательно, только тогда можно уберечь человѣка отъ нравственныхъ паденій, когда его воспитываютъ не въ школѣ только, но и въ жизни, продолжаютъ его *внѣшкольное* воспитаніе. Нѣкоторыя изъ средствъ внѣшкольнаго образованія извѣстны и примѣняются издавна, какъ то: собесѣдованія и чтенія, проповѣдь, священныя изображенія и патріотическія картины. Но наиболѣе универсальнымъ и сильнымъ средствамъ для нашего простого народа къ развитію получаемаго имъ въ школѣ элементарнаго образованія и воспитанія служитъ чтеніе имъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, какія доступны ему.

Къ сожалѣнію, даже та немногочисленная крестьянская молодежь, которая, за ограниченнымъ количествомъ времени, часто только кое-какъ научается читать въ школахъ, по выходѣ изъ послѣднихъ, перестаетъ читать и даже разучивается грамотъ: читать оказывается нечего,—на огромныхъ пространствахъ цѣлыхъ уѣздовъ не встрѣчается доступной народу книжки, или встрѣчается только пошлый печатный хламъ, отъ котораго даже крестьянинъ отварачивается. Отсюда,—чтобы производимыя правительствомъ и обществомъ матеріальныя затраты не были напрасны, для этого не достаточно только обучить крестьянина грамотѣ, а нужно еще позаботиться и о томъ, чтобы, по выходѣ учащагося изъ школы, устроить ему наиболѣе свободный доступъ къ книгѣ вообще и, главное, дать ему въ руки непремѣнно *истинно-полезная писанія, могущая умудритъ* только во спасеніе—какъ тѣлесное, такъ и духовное: грамота—мечъ обоюду острый, который можетъ привести человѣка къ добру, но въ тоже время и къ еще большему злу, смотря потому, кто

въ какомъ направленіи ею воспользуется. Только въ такомъ случаѣ государство и Церковь будутъ имѣть въ подростящемъ поколѣніи здоровыхъ и полезныхъ членовъ, и ихъ труды и заботы увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что пользы изъ того, если нашъ простолюдинъ станетъ грамотнымъ человѣкомъ, а затѣмъ, за немѣніемъ доброкачественнаго матеріала, будетъ читать различныя спекулятивныя изданія, могущія вмѣсто пользы принести прямой вредъ для его умственнаго и нравственнаго развитія? Вредъ отъ чтенія такихъ книгъ нашимъ грамотнымъ крестьянствомъ дѣлается еще болѣе очевиднымъ, если принять во вниманіе, какимъ великимъ авторитетомъ и довѣріемъ пользуется всякое печатное слово въ глазахъ нашего темнаго народа.

Въ послѣднія 30 лѣтъ читатель быстро нарастаетъ, грамотный крестьянинъ стремится къ книгѣ. Какъ результатъ этого, появляется въ послѣднее время на книжномъ рынкѣ множество дешевыхъ изданій религіознаго, беллетристическаго и научно-популярнаго содержанія, изъ которыхъ однѣ—не дурны, а другія даже безукоризнены. Къ сожалѣнію, почти всѣ лучшія изданія для народа, по большей части, остаются на полкахъ магазиновъ, за исключеніемъ немногихъ, попадающихъ въ школы; а нашъ грамотный простолюдинъ по-прежнему рѣдко имѣетъ книгу, которая бы дѣйствительно могла быть съ пользою имъ прочитана. Наши книгоноши, переходя изъ деревни въ деревню, бойко торгуютъ—гдѣ пѣсенникомъ, гдѣ сонникомъ, а гдѣ—втискиваютъ и *царя—Соломона* и другія лубочныя изданія—часто очень ничтожнаго содержанія, а потому въ корни подрывающія и безъ того пошатнувшуюся въ послѣднее время народную нравственность*).

*.) Интересныя свѣдѣнія о томъ, что читаетъ нашъ народъ, находимъ въ „Ежедневникѣ“ издаваемомъ Московскимъ комитетомъ грамотности. Въ 1904 году для народнаго чтенія было издано 1332 книги, въ количествѣ свыше 15000000 экземпляровъ. Изъ нихъ большая часть именно 786 книгъ, въ количествѣ свыше 10000000 экземпляровъ, изданы *лубочниками*; остальные издательскія фирмы, работающія на народъ (такъ называемыя „интеллигентныя“ фирмы) выпустили 546 книгъ, въ количествѣ 5000000 экземпляровъ. По литературному отдѣлу *лубочники* издали 409 книгъ, въ количествѣ 4¹/₂ милл. экземпляровъ; при этомъ на

Такимъ образомъ грамота *вмѣсто положительныхъ* часто даетъ у насъ, при указанныхъ условіяхъ, отрицательные результаты и тѣмъ подрываетъ довѣріе къ себѣ народа, чающаго видѣть въ ней средство, при помощи котораго можно было бы вести святую и богоугодную жизнь. Вотъ почему вопросъ о снабженіи нашего грамотнаго простонародья хорошими и полезными книгами долженъ служить предметомъ особеннаго вниманія и серьезныхъ попеченій нашихъ народныхъ пѣстуновъ. А для этого, на ряду съ учрежденіемъ и развитіемъ школъ, въ области народнаго просвѣщенія долженъ предприниматься и рядъ мѣръ, способствующихъ *внѣшкольному* образованію народа.

Бъ послѣдніе годы дѣйствительно замѣчается довольно оживленное движеніе въ пользу внѣшкольнаго образованія народа посредствомъ учрежденія сельскихъ библіотекъ, воскресныхъ школъ, а главне—заботами духовнаго и свѣтскаго правительства устраиваются въ разныхъ мѣстахъ склады дешевыхъ книгъ и брошюръ преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, въ которыхъ желающіе могутъ за доступную для каждаго цѣну пріобрѣсти хорошую книгу. Но тутъ*) встрѣчаешься съ довольно крупнымъ недоразумѣніемъ.

12 произведеній изъ сочиненій Пушкина и Лермонтова изданныхъ всѣми 14 *любочниками*, приходится 27 произведеній Шмитановскаго и Миши Евстигнѣева, изданныхъ только одной фирмой *т-ва И. Д. Сытина*; „Битва русскихъ съ кабардинцами“, „Милордъ“, „Черный Чернецъ (,) или таинственное преступленіе“. „Страшная красавица (,) или три ночи у гроба“, „Тайна разрытой могилы“,—вогъ что еще больше издается у насъ для „просвѣщенія“ народа. Подводя общій итогъ литературному отдѣлу, составители „Ежегодника“ указываютъ, что книги, сколько-нибудь пригодныя для чтенія, составляютъ въ немъ только 17%.—*Нелубочники* издали въ томъ же 1904 г. народныхъ книгъ 516, въ количествѣ 5000000 экземпляровъ. Книги эти далеко не всѣ и далеко не скоро проникнуть въ наши деревенскія захолустья; онѣ и дороги сравнительно съ любочными изданіями, и „пути для нихъ еще не наѣзжены“.

*) Важную услугу въ этомъ отношеніи, между прочимъ, оказываютъ *комитеты грамотности*, существующіе въ столицахъ и въ некоторыхъ большихъ провинціальныхъ городахъ, напр., въ Кіевѣ, Харьковѣ; названные комитеты быстро организовали рядъ библіотекъ и складовъ, собрали средства и выпустили сравнительно много изданій для народа, неподходящихъ для него.

Приходится очень часто читать и слышать отъ лицъ, стоящихъ по своему служебному положенію близко къ народу, что послѣдній неохотно покупаетъ предлагаемыя ему священникомъ, учителемъ или другимъ какимъ-нибудь сельскимъ интеллигентнымъ человѣкомъ книгу, а по прежнему пользуется услугами книгоношъ, снабжающихъ его „Милордами“, „Ерусланами Лазаревичами“, „Бовами—королевицами“ и другими излюбленными народными брошюрами сказочнаго и романическаго характера и содержанія, за которыя платить даже немалыя деньги. Гдѣ же, спрашивается, кроется причина такого, повидимому, страннаго явленія? Почему, въ самомъ дѣлѣ, наши грамотеи, можно сказать, на-расхватъ покупаютъ на ярмаркахъ, базарахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ разныя негодныя книги, а отъ книгъ, могущихъ принести имъ несомнѣнною пользу, какъ будто отвращаются? Неужели вкусы народа такъ испорчены, извращены, что онъ сознательно предпочитаетъ целѣпыя и безграмотныя изданія хорошимъ книгамъ?

Дѣло, какъ намъ кажется, объясняется очень просто. Всякій по собственному опыту знаетъ, что онъ всегда интересовался и интересуется, главнымъ образомъ, и болѣе всего тѣми книгами, о достоинствѣ и содержаніи которыхъ раньше что-либо слышалъ или читалъ. Поэтому то, мальчикъ, поступивши въ школу, съ жадностью набрасывается на чтеніе сказокъ, такъ какъ его воображеніе слишкомъ возбуждено въ это время сказочнымъ міромъ; познакомившись съ географіей, тотъ же самый школьникъ начинаетъ читать описанія, путешествія и т. п.; изучая исторію, онъ интересуется книгами историческаго содержанія и т. д. Затѣмъ и въ послѣдующее время своей жизни каждый изъ насъ старается приобрѣтать только такія книги, о которыхъ заранѣе знаетъ, что именно онъ покупаетъ. Для того и существуетъ въ періодическихъ изданіяхъ особый отдѣлъ критики и библиографіи, чтобы знакомить читающую публику съ достоинствами и недостатками новѣйшихъ изданій по всѣмъ отраслямъ науки и литературы.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ дѣлѣ распространенія среди народа полезныхъ книгъ и брошюръ. Лица, завѣду-

ющія книжными складами, обыкновенно объявляютъ только крестьянамъ, что есть книги для продажи и желающіе могутъ ихъ пріобрѣсти. Но какія книги, каково ихъ содержаніе, достоинство для духовно-нравственной или практической жизни, этого никто не говоритъ сельскому грамотею, почему послѣдній, хотя имѣеть сильное желаніе и лишній грошъ для пріобрѣтенія книги, не идетъ, большею частію, за покупкой ея, разсуждая, что быть можетъ, купленная книга не понравится и, такимъ образомъ, пропадетъ послѣдняя лишняя копейка, которая имѣется въ карманѣ у него.

А между тѣмъ потребность въ чтеніи, за рѣдкими исключеніями, существуетъ громадная не только среди окончившихъ курсъ въ школѣ, но и среди прочаго грамотнаго и даже неграмотнаго населенія, о чемъ единогласно говорятъ изслѣдованія земской статистики и частныхъ лицъ, такъ или иначе соприкасающихся съ народомъ, какъ то: учителей, священниковъ, помѣщиковъ и т. п.; каждую найденную гдѣ-нибудь на дорогѣ бумажку, иногда очень грязную, всякій грамотей перечитываетъ нѣсколько разъ; имѣющіяся же у него собственныя книги знаетъ чуть не наизусть. И вотъ его пытливый духъ старается удовлетворить эту насущную потребность при первой же возможности. Но чего же, спрашивается, онъ ищетъ? Онъ ищетъ, несомнѣнно, того, о чемъ раньше слыхалъ и знаетъ, но что теперь ему, какъ уже книжному человѣку, хочется прочесть самому. Слыхалъ онъ еще во дни ранняго дѣтства о различныхъ сказочныхъ герояхъ и богатыряхъ; рассказывала ему его бабушка, сидя на печи, въ долгіе зимніе вечера про „песиголовцевъ“ и другія подобныя диковинки,—и вотъ, когда является въ любое мѣсто услужливый офеня и предлагаетъ деревенскому грамотею пріобрѣсти ту или другую книжечку съ подобнаго рода содержаніемъ, предварительно еще хорошенько прихваливъ ее, то послѣдній съ большимъ удовольствіемъ платитъ за такую книжку деньги, зная напередъ, что онъ и самъ съ интересомъ прочтетъ ее, и слушателямъ, которыхъ наберется въ деревнѣ всегда вдоволь, доставитъ не мало удовольствія.—А Такимъ образомъ, при выборѣ книгъ для чтенія, нашъ Деревенскій грамотей поступаетъ совершенно также, какъ и

язждый изъ насъ; нечего, поэтому, и винить его въ данномъ случаѣ, нечего нападать на него и клеймить, какъ нѣкоторые это дѣлаютъ, его невѣжество. Пресловутое хладнокровіе нашего грамотнаго люда въ дѣлѣ пріобрѣтенія предлагаемыхъ ему полезныхъ книгъ и брошюръ объясняется не какой-то нелюбовью къ серьезному духовно-нравственному или иному чтенію, а просто — неправильной постановкой этого дѣла.

Если же такъ, то для успѣшнаго хода дѣла снабженія простаго народа хорошими и полезными книгами нужно поставить это дѣло на болѣе раціональную почву; нужно напередъ заинтересовать грамотныхъ крестьянъ содержаніемъ предлагаемыхъ ему книгъ и брошюръ и особенно получаемой отъ чтенія ихъ нравственно-практической пользой; такъ чтобы грамотей деревенскій, тратя на книгу иногда послѣднюю копейку, зналъ, что онъ теряетъ эту копейку не даромъ.

Руководствуясь указанными соображеніями, пишуцій эти строки, состоя около трехъ лѣтъ въ должности сельскаго учителя и задавшись цѣлью распространить въ народѣ возможно большее количество полезныхъ книгъ и брошюръ, поступалъ слѣдующимъ образомъ. Каждая брошюра, предназначенная для продажи народу, предварительно прочитывалась мной на воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ съ необходимыми разъясненіями, а затѣмъ два—три толковыхъ слушателя изъ среды присутствовавшихъ кратко излагали содержаніе прочитаннаго, при чемъ тутъ же указывали и нравственно-практическое приложеніе его. Только послѣ этого уже предлагалась слушателямъ извѣстная брошюра для пріобрѣтенія... и тутъ же обыкновенно 3—4—5 и болѣе человекъ изъявляли желаніе ее купить. По прошествіи же недѣли, когда та или другая брошюра прочитывалась десятками грамотныхъ, являлись уже очень многіе съ просьбою — „надѣлать и имъ ту хорошую книжку, которая читалась прошлое воскресенье или праздникъ“. Такъ практиковалось у меня съ каждой книгой и брошюрой. И что же? Результаты получались самые отрадныя! Въ теченіе одного зимняго сезона мнѣ удалось продать народу разныхъ 2—3—4-хъ копѣчныхъ брошюръ и Троицкихъ Листковъ и книжекъ на 25

руб.—цифра весьма почтенная для села, гдѣ школа существуетъ всего только 15 лѣтъ.

Насколько указанный способъ распространения среди простаго народа полезныхъ книгъ цѣлесообразенъ и можетъ развить въ народѣ вкусъ къ духовно-нравственному чтенію, можно видѣть изъ того, что въ послѣдующее время каждый деревенскій грамотей не только съ охотой покупалъ предлагаемую ему мною брошюру, но и самъ высказывалъ на нѣкоторыя изданія требованія, свидѣтельствующія о коренномъ измѣненіи къ лучшему вкуса нашего читателя изъ простонародья, къ которому съ незапамятныхъ временъ открытъ былъ широкій доступъ „Милордамъ“ и „Хиромантіямъ“, а книгамъ серьезнаго содержанія „пути были заказаны“.

На успѣшное распространение книгъ въ народѣ вліяетъ какъ самый порядокъ распространения книгъ, такъ и приспособленность ихъ къ потребностямъ читателя. Нужно обращать серьезное вниманіе на тщательный выборъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ какъ по содержанію, такъ и по цѣнѣ. Въ этомъ отношеніи, на основаніи личнаго своего опыта, а равно и опыта другихъ, могу сказать слѣдующее:

1) Охотнѣе всего читаетъ народъ, особенно же люди пожилые, *книги религіознаго содержанія*, „божественныя“ вообще, и *болѣе всего житія святыхъ* подвижниковъ, при чемъ каждый обязательно беретъ житіе своего святого; потомъ берутся книги исключительно религіозно-нравственнаго содержанія, а женщины почти круглый годъ читаютъ ихъ. Всякому извѣстно, какое глубокое уваженіе питаютъ нашъ простолюдинъ къ жизнеописаніямъ св. подвижниковъ. Чтеніе житій возбуждаетъ его къ чистой святой жизни и къ борьбѣ со зломъ, побѣжденнымъ уже другимъ, подобнымъ ему, человекомъ, и такимъ образомъ дѣйствуетъ на него сильнѣе самой краснорѣчивой проповѣди. Для подтвержденія сказаннаго сошлемся на такого писателя, какъ *Ф. М. Достоевскій*, который весьма близко зналъ народъ. „По всей землѣ русской, говоритъ онъ,—чрезвычайно распространено знаніе Четырехъ—Минея,—о, не всей, конечно, книги, но распространень духъ ея, по крайней мѣрѣ. Есть чрезвычайно много

разсказчиковъ и разсказчиць о житіяхъ святыхъ. Разсказываютъ они изъ Четьи—Минеи прекрасно, точно, не вставляя ни одного лишняго слова отъ себя, и ихъ заслушиваютъ. Я самъ въ дѣтствѣ слышалъ много разсказовъ прежде еще, чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти разсказы въ острогахъ у разбойниковъ, и разбойники слушали и вздыхали. Эти разсказы передаются не по книгѣ, а заучиваются наизусть. Въ этихъ разсказахъ про святыхъ мѣста заключается для рускаго народа, такъ сказать, нѣчто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притѣснители получали не рѣдко страстное и неудержимое желаніе идти странствовать, очиститься труднымъ подвигомъ. Если не на востокъ, не въ Иерусалимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, къ Соловецкимъ чудотворцамъ“*).

Въ послѣднее время чаще другихъ требуются также *книги и брошюры*, объясняющія значеніе постоянныхъ принадлежностей церковнаго богослуженія, или содержащія общепонятное изслѣдованіе разнаго рода предрасудковъ и суевѣрій, царящихъ среди сѣраго люда, противъ которыхъ ведется неуклонная борьба съ церковной каѳедры, напр.: 1) Восковая церковная свѣча, изд. редакціи „Троицкихъ Листковъ“, 2) „Что такое просфора?“ того же изд., 3) „Нѣсколько словъ по поводу сказанія: „Сонъ Пресвятой Богородицы“, одобрен. С.-Петербургскимъ духовн.-цензурн. комитетомъ, 4) „О двѣнадцати пятницахъ“, изд. редакціи „Троицкихъ Листковъ“ и 5) „Что такое масленица?“ того же изд.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ церковно-общественной жизни.

Всеподаннѣйшая телеграмма Св. Синода по поводу Высочайшихъ предначертаній. Вопросъ о реформѣ приходской жизни и вызванная имъ полемика. Безпорядки въ духовныхъ семинаріяхъ и роль „главарей“ въ нихъ. Въ Государственной Думѣ.

*) «Дневникъ писателя» 1872 г., стр. 25.

30 января Св. Синодъ обратился съ всеподаннѣйшей телеграммой въ Царское Село съ выраженіемъ одушевляющихъ его живѣйшихъ религіозно-патріотическихъ чувствъ и молитвенныхъ пожеланій.

Телеграмма послана была по поводу Всемилоствѣйше преподанныхъ Его Величествомъ предначертаній новогодней сессіи Св. Синода относительно безотлагательнаго преобразованія дѣла воспитанія юношества въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковно-приходской школѣ, а также благоустроенія православно-церковной жизни.

Изъ этой телеграммы видно, что вопросы о реформѣ приходской жизни и духовно-учебныхъ заведеній будутъ поставлены въ первую очередь вопросовъ, подлежащихъ рассмотрѣнію Св. Синода въ его новомъ составѣ.

Вопросъ о реформѣ прихода имѣетъ свою исторію и вызвалъ уже полемику. Онъ обсуждался сначала IV отдѣломъ предсоборнаго присутствія, которымъ и составленъ былъ нормальный приходскій уставъ.

Затѣмъ въ концѣ прошлаго года образовано было особое совѣщаніе при Св. Синодѣ по тому же вопросу, которое и представило на рассмотрѣніе Св. Синода „основныя положенія приходской организаци“.

Эти основныя положенія разнятся отъ нормальнаго устава IV отдѣла только тѣмъ, что въ нихъ устранена тенденція демократизаціи прихода, проглядывавшая въ нѣкоторыхъ положеніяхъ нормальнаго устава. Разница произошла вслѣдствіе того, что въ первомъ случаѣ преобладающее значеніе имѣла точка зрѣнія г. Палкова, а во второмъ — мнѣніе профессора Казанской академіи Бердникова.

По этому поводу въ „Новомъ Времени“ помѣщена была статья „Оберъ-прокуратура Синода и вопросъ о приходѣ“, въ которой анонимный авторъ говоритъ: „во всей Россіи отозвѣтся печально извѣстіе, что въ предсоборномъ присутствіи по отношенію къ приходу возобладало мнѣніе г. Бердникова, согласно коему въ приходѣ останется все, какъ было. Руководителемъ приходской дѣятельности будетъ священникъ, а самая дѣятельность прихода будетъ поставлена подъ контроль епархіальнаго начальства т. е. консисторіи и архіерея. Этимъ все сказано и все исчерпывается“. Вопреки ясному ученію Слова Божія, и ученію

отцовъ церкви, авторъ съ увѣренностью утверждаетъ, будто нѣтъ ничего каноническаго, ничего святоотеческаго въ томъ строѣ приходской жизни, по которому приходъ представляется подъ руководство своего ближайшаго пастыря—священника и подъ надзоръ енархіальнаго архіерея—общаго пастыря всѣхъ приходовъ епископіи. Наоборотъ, по его мнѣнію, ничѣмъ, впрочемъ, необоснованному, эти права даны приходскому священнику и енархіальному архіерею только въ послѣ—Петровскій періодъ по любезности оберъ-прокуроровъ, пожелавшихъ возмѣстить этимъ за отнятыя у нихъ права въ другихъ отношеніяхъ. Не надѣясь, что Св. Синодъ рѣшитъ этотъ вопросъ въ благопріятномъ для него смыслѣ, авторъ обращается къ помощи оберъ-прокурорской власти, говоря: „нужно оберъ-прокурору пробудиться отъ летаргіи и напомнить на Сенатской площади о „великомъ тѣлѣ народномъ, какъ хранителѣ сокровищъ вѣры“.

Эта статья анонимаго автора, вѣроятно, изъ партіи „обновленцевъ“, вызвала противъ себя возраженія на страницахъ „Колокола“ со стороны „старца Зосимы“ и самого профессора Бердникова.

Старецъ Зосима, называя точку зрѣнія на приходъ г-на Папкова неканонической, между прочимъ, говоритъ: „Ужели авторъ не въ состояніи понять, что разъ по закону во главѣ приходской жизни можетъ стоять не священникъ, то вѣдь можетъ тогда легко случиться, что въ руководители церковной общины будетъ избранъ какой нибудь ловкій бомбистъ, разъ онъ числится въ спискѣ православныхъ даннаго прихода. Картина эта наблюдается въ приходской жизни уже и теперь, и про это очень хорошо знаютъ и вѣдаютъ старцы-синодалы (которыхъ авторъ обвиняетъ въ незнаніи жизни народной, такъ какъ де они никогда не выходятъ изъ своихъ келій-дворцовъ). Намъ хорошо извѣстно, какъ подъ диктовку именно такихъ „сознательныхъ“ руководителей прихода составлялись и составляются приговоры объ отобраніи у церкви земли, денежной доходности, объ уменьшеніи жалованья духовенства, объ отказѣ отцамъ законоучителямъ подводъ для поѣздокъ въ далеко отстояція отъ села школы и т. д. Намъ хорошо извѣстно, какъ уже теперь разнаго рода сельскіе дѣльцы, кусившіе меда обновленческаго, всячески начинаютъ подкапываться

подъ власть и авторитетъ приходскаго священника, особенно если этотъ послѣдній имѣетъ зоркій глазъ и твердый пастырскій характеръ. Намъ хорошо извѣстно, что въ г. О—и нѣкій либераль изъ „краснокожихъ“ г. А. съ компаніей босяковъ подбирается къ солидному приходскому капиталу, но монахъ-святитель видитъ сіе и, разумѣется, не дастъ въ обиду приходъ своей епархіи, ибо понимаетъ интересы своей паствы, своего народа православнаго, понимаетъ и приходскій настоятель и во главѣ съ своимъ епископомъ зорко блюдетъ эти интересы, отражаетъ отъ злой руки и воли современныхъ проходимцевъ.

Профессоръ Бердниковъ въ своемъ возраженіи разоблачаетъ инсинуаціи, вымыслы и искаженія фактовъ, къ которымъ прибѣгаетъ анонимный авторъ, и въ заключеніи, по поводу аппеляціи послѣдняго къ оберъ-прокурорской власти, говоритъ: „Тому, кто рѣшается писать, да еще съ такимъ аппломбомъ, о церковной реформѣ, кажется, слѣдовало бы знать, что внутренняя церковная жизнь не подлежитъ мѣропріятіямъ свѣтской власти; это положеніе принято и въ число тезисовъ и въ постановленіяхъ предсѣборнаго присутствія. Если же для автора интересы партіи дороже блага церковнаго, и если для достиженія своихъ партійныхъ цѣлей онъ рѣшается включить въ число членовъ своего исповѣданія и вѣру въ господство государства надъ церковью православною въ ея внутреннихъ дѣлахъ, то онъ уже долженъ тогда по крайней мѣрѣ забыть о великомъ „тѣлѣ народномъ“. Эти два члена вѣры не совмѣстимы между собою“.

Такъ остріе логики поражаетъ ложную мысль, которая всегда, сама того не замѣчая, запутывается въ противорѣчіяхъ.

„Обновленцы“ власть оберъ-прокурорскую считаютъ узурпаціей, а между тѣмъ, когда это имъ выгодно, сами взываютъ къ ней.

* *
*

Другимъ вопросомъ, поставленнымъ въ первую очередь на разсмотрѣніе новогодней сессіи Св. Синода, является вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Настоятельная и неотложная необходимость въ рѣшеніи этого вопроса вызвана тѣми ужасными безпорядками, которые въ

теченіе послѣднихъ лѣтъ имѣли мѣсто почти во всѣхъ семинаріяхъ.

Временная частичная реформа нѣсколько смягчила остроту вопроса, но не дала вполне удовлетворительнаго рѣшенія его. Въ больномъ организмѣ духовной школы язвы продолжаютъ вскрываться и кровоточить.

Подтверженіемъ этого служатъ сообщенія о позднѣйшихъ беспорядкахъ въ семинаріяхъ Кишиневской, Волынской, Петербургской, Костромской и др.

Въ Кишиневѣ закрыты первые пять классовъ духовной семинаріи, вслѣдствіе беспорядковъ и самовольнаго прекращенія учениками занятій.

Въ Житомирѣ при обыскѣ въ семинаріи, семинаристы оказали сопротивленіе, причемъ пустили въ ходъ ножки табуретокъ и воду изъ пожарныхъ насосовъ. Для усмиренія вызывался эскадронъ драгунъ. Инспектору былъ нанесенъ ударъ ножкой табурета въ голову но скуфья смягчила ударъ. Арестовано 15 семинаристовъ.

Въ Петербургской семинаріи былъ произведенъ обыскъ у одного изъ служащихъ, повлекшій за собою конфискацію нелегальныхъ брошюръ, тайно издаваемого учащимися „Семинарскаго журнала“, арестъ двухъ частныхъ лицъ и двухъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. При этомъ найдены были матеріалы всероссійскаго семинарскаго союза и переписка семинаристовъ съ революціонными организаціями.

Въ Костромской семинаріи, при обыскѣ въ гордеробной обнаружены 20 фунтовъ пироксилиновыхъ шашекъ и архивъ соціально-демократической организаціи съ большимъ количествомъ прокламацій.

Такимъ образомъ, результатъ обысковъ почти вездѣ одинаковъ: это даетъ нить въ руки и указываетъ на связь семинарскихъ беспорядковъ съ революціонными организаціями съ которыми находились въ ближайшихъ отношеніяхъ и подъ руководствомъ которыхъ выступали и дѣйствовали главные агитаторы и вожаки изъ семинаристовъ.

Дѣйствительно, на важную роль, какую играли „главари“ въ семинарскихъ беспорядкахъ, указываетъ одинъ „убитый скорбью“ отецъ въ „Вятск. Еп. Вѣд.“. Изображая всю скорбь и душевныя страданія родителей вслѣдствіе

увольненія 322 воспитанниковъ изъ за бойкота экзаменовъ, онъ спрашиваетъ: „но всѣ-ли 322 чел. въ этомъ одинаково виноваты?.. Нѣтъ, въ этомъ виноваты только 5—6 человекъ, а обвиняютъ всю семинарію. Подъ вліяніемъ рѣчей агитаторовъ, возбудившихъ массу къ бойкоту экзаменовъ, нѣкоторые семинаристы, отъѣзжая домой на пароходѣ, воинственно кричали, потрясая въ воздухъ кулаками, что они не хотятъ знать Синодъ, не хотятъ знать архіерея, что они теперь свободные граждане. Эти же воинственные „свободные граждане“, когда освободились отъ агитаторовъ, чѣмъ дальше отъѣзжали отъ г. Вятки, тѣмъ становились смиреннѣе и скромнѣе, а черезъ сутки времени пустились въ плачъ. На другой день пути отъ Вятки они имѣли такой убогой видъ, что жаль на нихъ было смотреть“. Послѣ забастовки всѣ семинаристы разѣхались по домамъ, а ничтожная группа главарей въ г. Вяткѣ образовала губернское семинарское бюро, которое отъ имени всей семинаріи разсылало свои постановленія и на статью „Голосъ отца“, въ которой высказывалось порицаніе семинаристамъ за ихъ забастовку, отвѣтило въ статьѣ „Голосъ сыновей“ дерзостью всѣмъ отцамъ. Такимъ образомъ, все главари и главари... „Если бы въ послѣдніе годы, заканчиваетъ авторъ, была должная и благоразумная строгость, если бы виновные за свои проступки наказывались, можно было увѣреннымъ, что ни забастовки, ни бойкота экзаменовъ не было-бы“.

Конечно, сорную траву слѣдуетъ вырывать, что бы она не заглушала добрыхъ злаковъ. Но нужно также и почву удобрять, дѣлать ее болѣе плодоносной и питательной.

Поэтому нельзя не пожелать, чтобы работы Св. Синода по осуществленію Высочайшихъ предначертаній, направленныхъ къ доброму воспитанію будущихъ приходскихъ пастырей церкви, увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ, чтобы обновленная духовная школа выпускала бы изъ своихъ стѣнъ дѣятелей достойныхъ, способныхъ „дать ѣсть“ просящимъ у нихъ.

* *
*

8 февраля опять „большой“ Думскій день. Интересъ засѣданія сосредоточивался на поставленномъ въ повѣсткѣ этого дня вопросѣ объ ассигнованіи 1 мил. рублей изъ

средствъ государственнаго казначейства въ помощь пострадавшимъ отъ разбойническихъ дѣйствій революціонныхъ партій и лицъ.

Когда очередь дошла до этого вопроса, то прекрасную рѣчь произнесъ докладчикъ гр. В. А. Бобринскій. Его правдивое, искреннее слово производитъ громадное впечатлѣніе и весь центръ и правая постоянно прерываютъ рѣчь аплодисментами. Ораторъ вспоминаетъ, какъ во второй Думѣ на его долю неоднократно выпадала высокая честь предлагать Государственной Думѣ осудить терроръ и убійства, осудить грабежи и насилія, распространившіяся по всей странѣ.

Предложенія эти не имѣли успѣха. Но лучше не вспоминать нѣкоторыя печальныя страницы прошлаго, такъ какъ онѣ вызываютъ слишкомъ болѣзненные ощущенія. Настало лучшее время, теперь не стоитъ ломиться въ открытую дверь и доказывать третьей Государственной Думѣ необходимость осудить терроръ. Дѣло не въ осужденіи террора, а въ принятіи мѣръ къ исправленію послѣдствій его для страны. Развивая мысли, изложенныя въ законопроектѣ, онъ указываетъ на необходимость широкой государственной помощи жертвамъ революціи. Составители законопроекта желаютъ назвать это ассигнованіе фондомъ имени Царя-Освободителя, также павшаго отъ руки революціонеровъ. Царь-Освободитель есть и Царь-Мученикъ, такой-же мученикъ, какъ всѣ тѣ вѣрные присягѣ и долгу русскіе люди, которые умираютъ теперь (бурные аплодисменты центра и правыхъ).

Выступившій затѣмъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ заявляетъ, что министерство съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія встрѣчаетъ этотъ законодательный починъ Государственной Думы, въ которомъ онъ видитъ, прежде всего, авторитетное осужденіе революціи. Этого осужденія правительство давно добивалось; но всѣ попытки оказывались тщетными. Но теперь кровавый туманъ убійствъ, грабежей, разбоевъ—разсѣивается и сквозь него блеститъ уже свѣтлый лучъ—великодушное предложеніе, которое теперь обсуждается...

На каедрѣ лидеръ трудовиковъ Булатъ. Его нелѣпая рѣчь и лицемѣрная защита воинновъ, павшихъ въ Манч-

журіи, о которыхъ онъ предлагаетъ прежде всего позаботиться, производить крайне непріятное впечатлѣніе. Ужъ кому бы другому, а не трудовикамъ заботиться объ арміи.

Булата смѣняетъ соц.-дем. Покровский и произноситъ рѣчь о жертвахъ революціи со стороны борцовъ-освободителей. Но аудиторія уже не та, предъ которой распинались Аладыны и Озолы, и выразительные знаки протеста часто прерываютъ его рѣчь.

Гучковъ отъ имени союза 17 окт. выражаетъ глубокое сочувствіе той идеѣ, которая покоится въ основѣ предложеннаго законопроекта.

Шингаревъ отъ имени конст.-демокр. партіи находитъ законопроектъ неприемлемымъ, чѣмъ показываетъ, что партія ка-де въ данномъ вопросѣ не пошла за партіей законности и порядка, а пошла, по выраженію ея же лидера, за грязной красной тряпкой.

Въ заключеніе большинствомъ правыхъ и центра принимается формула гр. Бобринскаго слѣдующаго содержанія:

„Государственная Дума выражаетъ чувства тяжелой скорби и глубокаго негодованія по поводу террористическихъ актовъ въ теченіе ряда лѣтъ, препятствующихъ развитію страны и вносящихъ смуту и кровь въ русскую жизнь, и передаетъ законопроектъ въ комиссію о неприкосновенности личности“.

Громъ рукоплесканій.

„Наконецъ-то, вѣдь два года мы ждали“, слышатся голоса справа.

Конечно, и послѣ высказаннаго Думой осужденія трудно ожидать уменьшенія террористическихъ актовъ. Недаромъ вся оппозиція голосованіемъ противъ законопроекта оказала въ сущности косвенную поддержку имъ. Но важно великое моральное значеніе этого постановленія, а также и та, хотя небольшая, матеріальная поддержка, какую получаютъ вдовы и сироты несчастныхъ жертвъ революціи.

Чествованіе бывшаго помощника смотрителя А. Θ. Оленича въ Симферопольскомъ духовн. училищѣ*).

22 ноября въ Симферопольскомъ духовн. училищѣ состоялось чествованіе бывшаго помощника смотрителя Адама Θεодоровича Оленича, ушедшаго предъ началомъ учебнаго года въ отставку.

А. Θ. Оленичъ, сынъ священника Волынской епархіи, родился въ 1849 году. Лишившись въ раннемъ возрастѣ отца, онъ воспитывался сначала въ Мелецкомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Волынской духовной семинаріи, при скудной матеріальной поддержкѣ со стороны матери, проживавшей въ м. Мелецахъ и зарабатывавшей кое-какіе гроши содержаніемъ у себя на квартирѣ учениковъ мѣстнаго духовнаго училища. По окончанію курса духовной семинаріи, А. Θ. состоялъ въ теченіе одного года учителемъ народной школы въ Волынской губерніи, а затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1877 году, съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

Дальнѣйшая служба А. Θ. была посвящена исключительно воспитательной дѣятельности. Три года онъ былъ помощникомъ смотрителя Черниговскаго духовнаго училища, 18 лѣтъ состоялъ въ должности помощника инспектора Полтавской духовной семинаріи и 9 лѣтъ—въ должности помощника смотрителя Симферопольскаго духовнаго училища. За тридцатилѣтній періодъ своей службы онъ выполнялъ много и другихъ порученій епархіальнаго начальства: не разъ исправлялъ должность смотрителя училища, завѣдывалъ училищною бібліотекою, состоялъ членомъ комитета по постройкѣ церкви въ Таврическомъ епарх. женск. училищѣ, долгое время былъ членомъ ревизіоннаго комитета по епархіальному свѣчному заводу.

*) Помѣщая настоящее „Чествованіе“, мы увѣрены, что оно найдетъ сочувственный откликъ въ сердцахъ многихъ читателей, которые въ школьные годы свои входили въ близкое соприкосновеніе съ А. Θ. Въ лицѣ А. Θ. изъ духовной школы ушелъ рѣдкій по нравственной чистотѣ труженникъ—человѣкъ долга.

Дѣятельность А. Θ., какъ воспитателя, съ достаточною полнотою очерчена въ поднесенномъ ему сослуживцами адресѣ. Но и въ постороннихъ своихъ занятіяхъ онъ былъ честнымъ служакой и неутомимымъ труженникомъ, за что неоднократно удостоивался Архипастерской благодарности.

Инспекторскій надзоръ за учениками въ послѣдніе два года потребовалъ отъ А. Θ. напряженія всѣхъ его силъ. Поэтому уже съ начала прошлаго учебнаго года онъ въ разговорахъ съ членами училищной корпораціи сталъ часто заявлять, что чувствуетъ упадокъ физическихъ и душевныхъ силъ и нуждается въ покоѣ. Лѣтомъ 1907 года онъ привелъ свое намѣреніе уйти на покой въ исполненіе—подавъ прошеніе объ отставкѣ и о назначеніи пенсіи. Преосвященнѣйшій Алексій, Епископъ Таврической и Симферопольскій, давши движеніе этому прошенію, съ своей стороны присоединилъ къ нему ходатайство предъ Св. Синодомъ о назначеніи А. Θ. пенсіи въ размѣрѣ, установленномъ для прослужившихъ 30 лѣтъ на духовно-училищной службѣ кандидатовъ богословія.

Въ началѣ августа сего года Правленіемъ училища былъ полученъ указъ Св. Санода объ увольненіи А. Θ. въ отставку съ 15 числа того же мѣсяца. Переэкзаменовки и пріемныя испытанія, затянувшіяся до 1-го сентября, затѣмъ хлопоты, связанныя съ открытіемъ учебныхъ занятій, заставили сослуживцевъ отложить чествованіе А. Θ. до болѣе удобнаго и болѣе свободнаго времени. Такому рѣшенію благопріятствовало и то обстоятельство, что временно, до выясненія своего матеріальнаго положенія, А. Θ. рѣшилъ не покидать училища. Впослѣдствіи днемъ для торжественныхъ проводовъ А. Θ. былъ назначенъ праздникъ Казанской Божіей Матери.

22 октября, въ 12 час. дня, въ ученическомъ залѣ былъ отслуженъ молебенъ св. мученику Адаму въ присутствіи всѣхъ учениковъ училища, сослуживцевъ А. Θ. нѣкоторыхъ членовъ семинарской корпораціи и живущихъ въ городѣ родителей учениковъ. По окончаніи молебна виновникъ торжества обратился къ бывшимъ своимъ питомцамъ съ такою рѣчью:

„Благодарю Васъ, бывшіе мои питомцы дорогіе, за вашу любовь ко мнѣ, выраженную сейчасъ въ молитвѣ. Отъ всей души своей молитвенно благодарю Милосерднаго Господа Бога за Его великую милость ко мнѣ, грѣшному: Господь помогъ мнѣ пройти и благополучно окончить тридцатилѣтнюю мою службу. Тридцать лѣтъ—не малый періодъ времени; онъ равняется почти половинѣ моей жизни. Служба моя была нелегкая, чему вы сами были свидѣтелями. Еще благодарю Господа Бога моего и за то, что Онъ подъ конецъ моей жизни не лишилъ меня силъ—и душевныхъ и тѣлесныхъ—и сохранилъ мое здоровье. Здоровье—это величайшій, драгоцѣннѣйшій даръ Божій, который подается Господомъ Богомъ одинъ разъ на всю нашу жизнь. Счастливы тотъ, кому Господь Богъ поможетъ сохранить этотъ даръ. Желая и вамъ этой великой милости Божіей; да подастъ вамъ Господь доброе здоровье на многія лѣта, а равно и успѣхъ во всемъ добромъ, чтобы и вы достигли такого благополучнаго окончанія въ трудахъ, какого достигъ я.—Молите Господа Бога Милосерднаго, и Онъ подастъ все необходимое въ жизни вашей. Молитесь и обо мнѣ, бывшемъ вашемъ наставникѣ и воспитателѣ. Я молюсь о своихъ наставникахъ—не лгу, истину говорю. Завѣщаю, т. е. на всю жизнь вашу заповѣдую вамъ: молитесь обо мнѣ и наставникахъ вашихъ. Дѣтская чистая ваша молитва будетъ услышана Господомъ Богомъ. Молитва—великій даръ Божій немощному человѣку въ земной его жизни, исполненной печалей. Молитва соединяетъ человѣка съ Богомъ, даетъ ему радость въ печаляхъ, надежду и смѣлость въ бѣдствіяхъ. Не забывайте Господа Бога, и Господь не забудетъ васъ. Вы сами—свидѣтели теперешнихъ общественныхъ нашихъ бѣдствій. Эти бѣдствія посылаетъ Господь за нашу небрежность къ молитвамъ, за наше забвеніе о Богѣ. Многіе изъ васъ—будущіе молитвенники. Поэтому съ дѣтства учитесь молиться. Чтобы молитва была угодна Богу, молитесь усердно, внимательно. А для этого вотъ простое и для всѣхъ доступное средство: когда молитесь, помните, что вы стоите предъ лицомъ Господа Бога, Который слышитъ ваши слова и знаетъ ваши мысли. Помня это, вы избѣжите разсѣянности и станете молиться усердно.

Прощайте и простите меня, если я кого изъ васъ обидѣлъ. Служба моя и впечатлительный, вспыльчивый характеръ не позволяли мнѣ иногда уберечься отъ обидъ. Еще разъ прошу: простите меня! Вы готовитесь здѣсь быть проповѣдниками мира Христова, учителями братской любви; поэтому приучайтесь заранѣе умѣть любить не только ближнихъ, но и враговъ. А для этого приучайте себя прощать обиды. Прощеніе обидъ облегчаетъ душу, какъ облегчаетъ тѣло снятіе съ плечей тяжести.

Простите и прощайте“!

При послѣднихъ словахъ А. Θ. земно поклонился ученикамъ. Простая, искренняя и душевная рѣчь его вызвала слезы на глазахъ не только учениковъ, но и многихъ изъ его сослуживцевъ и знакомыхъ.

Затѣмъ смотрителемъ училища А. И. Леонтьевымъ отъ лица сослуживцевъ былъ прочитанъ слѣдующій адресъ:

„Гкубокоуважаемый Адамъ Θεодоровичъ!

Указъ о состоявшейся, согласно вашему желанію, отставкѣ вашей полученъ былъ во время лѣтнихъ каникулъ, когда мы были въ отпуску. Дѣла и занятія, связанные съ открытіемъ учебнаго года, не давали намъ возможности отмѣтить должнымъ образомъ это событіе въ нашей училищной жизни. Только теперь, спустя два мѣсяца послѣ ухода вашего со службы, мы получили возможность привести въ исполненіе давно уже принятое нами рѣшеніе—проводить васъ на новый жизненный путь молитвою и выраженіемъ добрыхъ желаній.

Будучи воспитанникомъ старой духовной школы, вы, Адамъ Θεодоровичъ, во всю жизнь оставались вѣрны ея лучшимъ традиціямъ, которыя всегда сохранять свое значеніе на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Традиціи эти—неуклонное исполненіе долга, неподкупная честность, трудолюбіе и непритязательность въ жизненныхъ потребностяхъ.

30 лѣтъ вы стояли на трудномъ и отвѣтственномъ посту воспитанія дѣтей. Въ теченіе 9 лѣтъ мы были свидѣтелями вашей служебной дѣятельности, и можемъ съ чистою совѣстью засвидѣтельствовать, что дѣятельность эта была непрерывнымъ подвижничествомъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

Въ своемъ служебномъ рвеніи вы доходили до самопожертвованія, до полнаго отрицанія всякаго комфорта въ своей личной жизни. Вы не знали даже того, что называется убѣжищемъ отъ офіціальныхъ обязанностей. Та анфилада комнатъ, которая носитъ названіе инспекторской квартиры, была чѣмъ угодно, только не квартирою для Васъ: здѣсь помѣщались и больные ученики въ случаѣ переполненія училищной больницы, здѣсь находили себѣ пріютъ и служащіе въ училищѣ, лишеныя квартиръ вслѣдствіе тѣсноты училищныхъ помѣщеній. Безъ преувеличенія можно назвать постояннымъ вашимъ убѣжищемъ тотъ столикъ въ углу ученическаго зала, за которымъ вы свой рабочій день доводили до 18 час. въ сутки.

Постоянное пребываніе среди учениковъ и близкое знакомство съ дѣтскимъ міромъ давало въ ваши руки могучее орудіе въ дѣлѣ воспитанія. Вы имѣли возможность не столько карать ученическіе проступки, сколько предупреждать и пресѣкать ихъ въ самомъ зародышѣ. Во все время вашей службы жизнь въ училищѣ текла по разъ уже проложенному руслу спокойно, гладко, безъ бурныхъ потрясеній. Когда, въ разгаръ пресловутаго освободительнаго движенія, во всѣхъ школахъ г. Симферополя — отъ низшей до средней — было потеряно всякое понятіе о школьной дисциплинѣ, мы чувствовали себя спокойно за вашею спиною, зная, что вы, стоя близко къ ученикамъ, съумѣете во время замѣтить среди нихъ и предупредить броженіе. Аскетизмъ вашей личной жизни служилъ наилучшимъ средствомъ воспитанія будущихъ пастырей и служителей церкви, а ваше трудолюбіе и служебная исполнительность не могли не оказывать самаго благотворнаго вліянія на питомцевъ въ смыслѣ развитія въ нихъ идеи долга.

Въ послѣдніе годы своей службы вы съ тревогою выражали опасеніе, что сильно отстали отъ современныхъ требованій педагогійи и потому, быть можетъ, и не оказываете должнаго вліянія на учениковъ. Но, глубокоуважаемый Адамъ Θεодоровичъ, каковы бы ни были современные взгляды на задачи, цѣль и приемы воспитанія, личный примѣръ всегда

останется наиболѣе дѣйственнымъ факторомъ вліянія на юную дѣтскую натуру. А въ этомъ отношеніи вы всегда были на своемъ мѣстѣ и даже для всѣхъ педагоговъ могли служить достойнымъ образцомъ подражанія.

Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія должны отмѣтить, что дѣятельность ваша, какъ воспитателя, нашла себѣ справедливую оцѣнку и со стороны родителей вашихъ учениковъ, и со стороны высшаго начальства. Епархіальное духовенство не разъ выражало вамъ свою благодарность за внимательное, заботливое, чисто отеческое отношеніе къ его дѣтямъ, а въ 1903 году постаралось облечь эту благодарность и въ болѣе реальную форму, увеличивши изъ епархіальныхъ средствъ получаемое вами содержаніе. Высшее начальство поощряло вашу службу наградами, а въ послѣднее время оно, въ лицѣ члена-ревизора учебнаго комитета, дало лестный отзывъ о вашей педагогической дѣятельности. Надѣмся, что оно обезпечитъ вполне заслуженный вами покой назначеніемъ повышенной пенсіи.

Упоминаемъ объ этомъ для доказательства, что въ настоящую минуту мы не воскуряемъ предъ вами оміама, дѣйствуя по шаблону торжественныхъ чествованій, а говоримъ вамъ чистую и неприкрашенную правду.

Что сказать о вашихъ отношеніяхъ къ сослуживцамъ? Всегда ко всѣмъ доброжелательный, искренній и общедоступный, вы постоянно дѣйствовали въ полномъ согласіи съ своими соработниками на нивѣ духовнаго воспитанія.

Глубоко сожалѣя о вашемъ добровольномъ устраниеніи отъ дѣлъ, мы выражаемъ желаніе и увѣренность, что вашъ свѣтлый образъ честнаго и самоотверженнаго педагога будетъ долго еще жить въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія—какъ среди питомцевъ, такъ и среди вашихъ сослуживцевъ“.

Въ своей отвѣтной рѣчи растроганный Адамъ Θεодоровичъ благодарилъ сослуживцевъ за добрыя чувства и пожеланія и выразилъ глубокую признательность г. смотрителю училища за тѣ руководственные указанія, исполнителемъ которыхъ онъ былъ въ своей инспекторской дѣятельности.

Въ 2 часа дня въ помещеніи училищнаго Правленія состоялась трапеза, устроенная въ честь Адама Θεодоровича.

его сослуживцами и знакомыми. Всѣхъ, желавшихъ почитать А. Θ., собралось за столомъ до 50 человекъ. Послѣ тостовъ за здоровье Державнаго Хозяина земли русской—Государя Императора Николая Александровича и Владыки Таврической епархіи—Преосвященнѣйшаго Епископа Алексія, сопровождавшихся пѣніемъ національнаго гимна и многолѣтія, протоіерей В. Знаменскій, бывший ректоръ духовной семинаріи, обратился съ такою рѣчью къ Адаму Θεодоровичу:

„Настоящее собраніе самымъ фактомъ своего единодушія за сею братскою трапезою свидѣтельствуеть, досточтимый А. Θ., о томъ глубокомъ уваженіи любви и признательности, которыми переполнены сердца здѣсь присутствующихъ; изъ нихъ многіе, обязаны вамъ и воспитаніемъ подъ вашимъ отеческимъ руководствомъ своихъ дѣтей. Да и какъ не проникнуться такими чувствами, особенно въ настоящія знаменательныя минуты, когда мы вспоминаемъ ваше многолѣтнее служеніе трудному и отвѣтственному дѣлу воспитанія молодого поколѣнія въ духовныхъ школахъ, каковому дѣлу вы безраздѣльно отдавали себя въ теченіе всей своей службы въ разныхъ городахъ отечества нашего. Болѣе 9 лѣтъ трудились вы на этомъ поприщѣ и въ семь разсадникѣ духовнаго просвѣщенія. Кто изъ насъ не засвидѣтельствуеть, что и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ вашей службы, вы были человекомъ неустаннаго труда, постоянно пребывавшимъ на своемъ служебномъ посту? Развѣ только ночью поздною квартира ваша видѣла васъ въ стѣнахъ своихъ. Вы были человекомъ долга, который былъ для васъ выше всего и прежде всего, но долга не сухого, формальнаго, а согрѣтаго любовью къ дѣлу и питомцамъ вашимъ. И при всемъ томъ кому не вѣдомо ваше глубокое, истинно-христіанское смиреніе? Вы въ отвѣтъ на слова адреса сказали, между прочимъ, что вы были только исполнителемъ указаній г. смотрителя. Допустимъ, что это правда, но и тогда не можемъ не сказать, что важно, конечно, намѣтить тотъ или иной путь и планъ дѣйствій, но развѣ не великое дѣло эти планы и предначертанія провести въ жизнь, въ души и сердца питомцевъ, воплотить ихъ въ поведеніи? Не тутъ ли скрывается и наиболѣе трудная сторона воспитательнаго дѣла?—

Поистинѣ, досточтимый А. Θ., можно сказать, что и теченіе служебное ваше съ честью скончали и вѣру соблюли: то искреннее благочестіе, которое всегда васъ отличало, было высокимъ собразомъ для питомцевъ вашихъ... Мы посильно настоящимъ празднествомъ любви и признательности къ вамъ вѣнчаемъ ваше трудное прошлое. Но вѣруемъ и надѣмся, что и помимо насъ вспомнется ваша честная и святая служба. Съ своей стороны полагаю, что вся ваша прежняя служба, болѣе или менѣе непосредственно, имѣла главною цѣлю воспитаніе кандидатовъ священства; и вы такъ глубоко проникались высотой идеи пастырскаго служенія, такъ много вниманія, заботъ и силъ употребили на достойное приготовленіе отроковъ и юношей къ высокому служенію, что я, не обинуясь, скажу, что послѣ всего вашего прошлаго вы сами являетесь наиболѣе благопотребнымъ и желательнымъ кандидатомъ священства. Тогда все высокое, чѣмъ вы воодушевлялись въ теченіе многихъ лѣтъ, нашло бы для себя полный исходъ и полагаю, глубоко васъ удовлетворило бы. И если, вообще вечеръ жизни вашей, будетъ тихъ и свѣтелъ, то тѣмъ болѣе былъ бы онъ ясенъ, озаряемый благодатью священства, которая укрѣпила бы васъ на семъ великомъ поприщѣ и создала бы достойное савершеніе вашего самоотверженнаго жизненнаго пути.

Да будетъ же вечеръ жизни вашей, тихъ, ясенъ и свѣтлорадостенъ, и тихій свѣтъ его да сіяетъ тою же любовью, какою сіяла и вся ваша жизнь во всѣ дни закончившейся теперь духовно-учебной службы вашей. И такого тихаго, безмятежнаго, вполнѣ заслуженнаго вами житія да ниспослетъ вамъ милосердный Господь еще много, много лѣтъ“...

Въ отвѣтъ на приведенную рѣчь А. Θ., благоговѣнно вознесши благодареніе Господу Богу, управлявшему его жизнь къ тихому, небурному пристанищу, опять повторилъ, что если ему и удалось принести какую-либо пользу училищу, то благодаря только указаніямъ и руководству смотрителя училища Александра Ивановича Леонтьева.

Закончилось скромное, почти семейное, празднество рѣчью г. смотрителя училища, въ которой онъ высказалъ, приблизительно, слѣдующія мысли:

„По своей скромности Адамъ Θεодоровичъ все доброе, имѣвшее мѣсто въ его прошлой дѣятельности воспитателя, приписываетъ мнѣ, моимъ руководственнымъ указаніямъ, въ предѣлахъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, какъ мой помощникъ, себѣ же оставляетъ одни только промахи, однѣ немощи... Но изъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ я, какъ самый старый сослуживецъ А. Θ., болѣе чѣмъ кто-либо другой могу сказать, насколько справедливъ этотъ отзывъ его о себѣ самомъ. Свыше 20 лѣтъ онъ былъ моимъ соработникомъ по одному и тому же дѣлу воспитанія и образованія духовнаго юношества: около 11 лѣтъ въ Полтавѣ, гдѣ я былъ преподавателемъ семинаріи, а онъ помощникомъ инспектора, немного менѣе здѣсь, въ Симферополѣ, гдѣ мнѣ суждено былъ стать во главѣ этого учебнаго заведенія, а А. Θ.—моимъ помощникомъ. И что же? И въ Полтавѣ, и здѣсь А. Θ. былъ всегда однимъ и тѣмъ же непостыднымъ, самоотверженнымъ дѣятелемъ, девизомъ службы котораго было неуклонное исполненіе долга. То, что сказано о дѣятельности А. Θ. въ поднесенномъ ему отъ сослуживцевъ адресѣ, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесено и къ службѣ его въ Полтавѣ: и тамъ эта дѣятельность была дѣятельностью подвижника въ самомъ строгомъ смыслѣ слова.

Но въ этомъ адресѣ, только мимоходомъ, только общими штрихами отмѣчено одно важное свойство этой дѣятельности, — это строгое согласіе ея съ другими дѣятелями по образованію и воспитанію дѣтей. Черта эта заслуживаетъ особеннаго вниманія въ переживаемое нами время.

Кто изъ насъ не знаетъ, что въ современномъ намъ разстройствѣ духовной школы, въ ея распадѣ большую роль сыграло отсутствіе согласія между ея работниками? Несогласіе во взглядахъ на цѣли и способы воспитанія и образованія между ректоромъ и инспекторомъ семинаріи, таковое же несогласіе между смотрителемъ училища и его помощникомъ и—добавимъ къ этому—несогласіе между преподавателями—вотъ печальныя, къ сожалѣнію, обычныя явленія нашего времени. Наряду съ другими причинами онѣ и ведутъ къ развалу духовную школу.

Адамъ Θεодоровичъ—не изъ такихъ дѣятелей. Онъ слишкомъ высоко всегда ставилъ дѣло служебное, идею общаго, чтобы выдвигать на первый планъ свою личность, свои личные интересы. О себѣ, о своихъ интересахъ А. Θ. не могъ говорить тамъ, гдѣ требовалось служеніе общему дѣлу. И мнѣ, какъ лицу, имѣвшему болѣе, чѣмъ кто-либо, точекъ соприкосновенія съ А. Θ., особенно приходилось цѣнить эту дорогую черту въ его характерѣ.

Дорогой Адамъ Θεодоровичъ! Въ присутствіи собравшихся здѣсь почитателей вашихъ считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить вамъ свою глубокую благодарность за ваше честное, безкорыстное служеніе дѣлу воспитанія, за обнаруженную вами въ прошломъ всегдашнюю готовность служить дѣлу, а не лицамъ, за готовность согласовать свои дѣйствія съ пользою общаго дѣла. Многая лѣта Адаму Θεодоровичу*!

Послѣ нѣсколько разъ исполненнаго многолѣтня участника торжества разошлись около 4 часовъ дня по домамъ, унося въ своей душѣ свѣтлый образъ подвижника на общественной службѣ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

Очеркъ исторіи Переяславско - Бориспольской епархіи (1733—1785 г.г.) въ связи съ общимъ ходомъ малороссійской жизни того времени.

Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія
Владимира ПАРХОМЕНКО.

Изданіе Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Полтава. 1908 г. ЦѢНА 70 Коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

— . — . НА — . — . —

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ СВѢТА“.

52 №: еженед. церк.-обществ. журнала „Лучъ Свѣта“, въ которомъ помѣщаются статьи по вопросамъ церк.-общественной жизни, особенно требующимъ реформы.

12 **КНИГЪ** ежемѣс. духовно-литерат. сборника „**ОТДЫХЪ**“, въ которомъ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, очерки, драмы и пр **исключительно** изъ быта духовенства, дух.-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ монастырей и вообще духовнаго сословія. Интереснѣйшее и захватывающее чтеніе.

12 выпусковъ ежемѣс. церк.-обществ. сборника: „**Церковная Реформа**“, въ которомъ помѣщается все замѣчательное, интересное и полезное, что было напечатано въ теченіе мѣсяца въ **свѣтской прессѣ** по вопросамъ церковной реформы и церк.-общественной жизни.

24 № (два раза въ мѣсяцъ) „**Библиотеки церковнаго Реформатора**“, въ кот. помѣщаются отдѣльныя сочиненія и **капитальныя** статьи по вопросамъ церковной жизни, богословской мысли, церковной исторіи и церковной литературы.

Помимо этого редація дастъ въ теченіе года (съ особ. счетомъ стран.): 1) Очень интересную книгу **Сергѣя Волина**: „**ВЪ СЕМИНАРИИ**“ (очерки современной бурсы); 2) **Серію романовъ** извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей, знакомящихъ съ жизнью **современнаго** инославнаго духовенства—католическаго, англиканскаго и лютеранскаго, а также духовенства правосл. восточныхъ странъ и 3) громадный трудъ **Прот. Х. А. Бѣлкова**: „**СИНАКСАРИ**“ или сказанія о празднуемыхъ православною церковію событіяхъ въ **русскомъ** изложеніи съ подробными объяснительными примѣчаніями.

Желая, какъ можно шире, распространить журналъ между духовенствомъ, редація нашла возможнымъ назначить еще особую премію, а именно: Лица подписавшіяся на весь годъ или на полгода получаютъ **НЕМЕДЛЕННО** (черезъ нѣск. дней по отсылкѣ денегъ) разныхъ—полезныхъ и необходимыхъ для духовенства, учителей, церковныхъ и школьныхъ библиотекъ—книгъ на сумму 3 рубля совершенно бесплатно.

Условія подписки; на годъ—8 р. съ дост. и перес., на полгода—4 р., на 3 м.—2 р. При выпискѣ 5-ти экз.—6-й бесплатно;

◆ Пробные №№ высылаются за 2 семикоп. марки. ◆

5 0/0 съ подписныхъ денегъ подписчиковъ **КАЖДОЙ** ЕПАРХІИ будутъ отсылаться въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія **ТОЙ ЖЕ** ЕПАРХІИ—на круглыхъ сиротъ, подробный отчетъ о чемъ будетъ печататься въ журналѣ регулярно.

Деньги, рукописи и письма адресовать такъ: **С.-Петербургъ**, въ редакцію церковно-общественнаго журнала „**ЛУЧЪ СВѢТА**“, Спасская ул., д. 12

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ ВЪ 1908 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Измѣнившіяся условія и обстоятельства нашей церковной и общественной жизни побуждаютъ Редацію журнала *Душе-*

полезнаго Чтенія нѣсколько измѣнить съ будущаго года прежнее направленіе журнала, сдѣлать журналъ болѣе жизненнымъ и отвѣчающимъ запросамъ и стремленіямъ современнаго общества и церкви. Мы полагаемъ, что такія измѣненія не только не противорѣчатъ завѣтамъ покойнаго митрополита Московскаго **Филарета**, при которомъ и по инициативѣ котораго началось изданіе нашего журнала, и основателя и перваго редактора журнала Преосвященнаго **Виссаріона**, Епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редактированію журнала ровно тридцать лѣтъ, какъ и продолжателя дѣла Преосвященнаго **Виссаріона**, покойнаго протоіерея **Д. Ѡ. Касицина**, но и вполне съ ихъ завѣтами совпадаютъ. Всѣ эти высокопросвѣщенные люди ни о чемъ другомъ не заботились, какъ только о народномъ благѣ, и стремились къ тому, чтобы журналъ *Душеполезное Чтеніе* всегда неуклонно преслѣдовалъ главную свою цѣль, — служить, какъ говорилъ митрополитъ **Филаретъ** въ своемъ донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду, „духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго* и *понятнаго* духовнаго чтенія“. Эта главная цѣль журнала будетъ неуклонно преслѣдоваться нами и впредь, хотя мы и намѣрены привнести въ будущемъ, насколько хватитъ силъ, въ изданіе журнала *новыя и свѣжія* струи и сдѣлать журналъ еще болѣе доступнымъ и интереснымъ.

Теперь, послѣ почти полстолѣтняго существованія журнала, мы можемъ съ полною увѣренностію говорить, что такое долгое существованіе его не было бесполезно и бесплодно. Надѣмся, что такимъ журналъ будетъ и впредь. Въ то время, какъ многіе другіе духовные журналы, даже тѣ, которые пользовались поддержкой при помощи *обязательной подписки*, закрывались главнымъ образомъ, конечно, по недостатку къ нимъ общественнаго вниманія, *Душеполезное Чтеніе* продолжало интересовать и духовенство и свѣтское общество. Ободренная такимъ успѣхомъ, не покидавшимъ журналъ даже въ смутныя и тяжелыя времена, Редакція, оставаясь вѣрною завѣтамъ прошлаго, съ будущаго года, имѣя въ своемъ распоряженіи обширный, разнообразный и интересный матеріалъ, позаботится о выборѣ и печатаніи такихъ статей, которыя могли бы еще ближе интересовать современное духовенство и общество.

Съ привнесеніемъ въ изданіе журнала новой, свѣжей струи послѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обновленіе и всѣхъ отдѣловъ журнала и, гдѣ будетъ нужно, расширеніе и измѣненіе его программы.

ВЪ СОСТАВѢ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

- 1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.

- 3) «Публичныя богословскія чтенія».
- 4) Слова, поученія и внѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Феофана-Затворника**, іеросхимонаха о. **Амвросія** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, много-различныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и рассказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1908 году въ *Душеполезномъ Читеніи* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соотвѣтственными рисунками.

Въ 1908 году всѣ подписчики получаютъ, въ видѣ бесплатнаго приложенія, альбомъ (24 листа) рисунковъ духовнаго содержанія, — снимки съ работъ извѣстныхъ художниковъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Читеніе*—*одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. За границу **ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ СТЕФАНА ТЕОДОРОВИЧА ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами;

на всевозможную живопись и чеканку, а также на картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домовыя работы.

Все вышепомменованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

— За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ. —

Фирма существуетъ съ 1879 года:

СОДЕРЖАНИЕ:—I. Беседа о томъ, какъ должны относиться живые къ умершимъ.—II. Надгробная рѣчь.—III. Поборникъ православной вѣры и русской народности, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.—IV. Распространеніе въ народѣ полезныхъ книгъ и брошюръ, какъ одна изъ важныхъ задачъ въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія.—V. Изъ церковно-общественной жизни.—VI. Чествованіе бывшего помощника смотрителя А. Ѳ. Оленича въ Симферопольскомъ духовномъ училищѣ.—VII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлецкій.*
| *В. Конопатовъ.*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 20 февраля 1908 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома П. Фришбергъ и С. Зороховичъ.

